

АВСТРО-РУССКИЙ АЛЬЯНС 1726 г.: ДОЛГИЙ ПРОЦЕСС ПРИ ОБЩИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСАХ СТОРОН

Abstract:

Steppan Ch. *The Austrian-Russian alliance of 1726: a long drawn process despite mutual political interests*

The article considers why Austrian Monarchy and the Russian Empire for a long time could not sign the first in their history alliance.

Ключевые слова: Российская империя, Австрийская монархия, договор 1726 г.

После заключения австрийско-русского союзного договора в августе 1726 г. русский представитель на переговорах вице-канцлер Андрей Иванович Остерман (1687–1747) в своих записках назвал документ «великим и полезным делом». По мнению Остермана, обе стороны рассматривали его как «выгодный», так как их связывали общие политические интересы по отношению к Турции, Швеции и Польше. Отсутствие общих границ явилось дополнительным поводом для союзников «искренне желать друг другу всего самого хорошего»¹.

Эта оценка союза встречается и в современной австрийской и российской историографии. Сергей Нелипович, например, в своей фундаментальной монографии о русско-австрийских отношениях во второй четверти XVIII в. пришел к следующему выводу: «Долго шли две страны к этому договору. Объединенные общими интересами гарантии европейских границ и борьбы с турецкой угрозой, не имеющие территориальных споров, они заключили союз только перед лицом угрозы утраты независимости внешнеполитического курса»². Невозможно не согласиться с автором в том, что угроза внешнеполитической изоляции от других европейских держав ускорила процесс сближения. Но затягивание переговоров было, прежде всего, результатом тех более ранних конфликтов, которые не имели прямой связи с вышеупомянутыми внешнеполитическими и геополитическими вопросами.

Это нашло отражение в долголетнем стремлении дипломатов к созданию межгосударственной дружбы, которая никак не могла быть достигнута в первой половине 20-х годов XVIII в., несмотря на вышеупомянутые общие внешнеполитические интересы. Не стоит удивляться, что монархи обеих стран обещали друг другу в первой статье союзного договора «истинную вечную и пос-

тоянную дружбу»³. Эти слова не были пустой фразой договорной риторики XVIII в. Наоборот, акцент на крепкие дружеские отношения в преамбуле договора свидетельствует о том, что дружба между монархами была необходимой основой для дальнейшего политического альянса. И даже если традиционная историография долгое время рассматривала международные отношения только как результат взаимодействий государств и их геополитических интересов, то история возникновения австрийско-русского договора показывает, что личные отношения между монархами и их представителями играли важнейшую роль в создании дружбы. Данная статья посвящена употреблению термина «дружба» в коммуникации дипломатических представителей Австрии и России до подписания договора в августе 1726 г. Этот краткий очерк не только выявляет обстоятельства, которые помешали созданию крепких дружеских отношений, но и обращает внимание на отражение политической реальности в договорах раннего Нового времени.

Первая серьезная попытка заключения договора между двумя государствами была сделана в начале 20-х годов XVIII в. В то время австрийско-русские отношения вышли из серьезного кризиса. Причиной напряженности был конфликт, вызванный бегством царевича Алексея в 1716 г. в Вену, что привело к временному прекращению дипломатических отношений между императором Карлом VI (1712–1740) и русским царем Петром I. Только при дипломатическом посредничестве русских представителей при венском дворе межгосударственные отношения сдвинулись с мертвой точки. Дипломатам удалось убедить императора в необходимости «создания крепкой и истинной дружбы» между двумя дворами⁴. Венские министры ответили в таком же духе и написали в своем отзыве на русское предложение, что установление «постоянной дружбы» и вероятное заключение союза возможны, в случае если они забудут «все прошедшие смуты». Эти взаимные обещания не были пустыми словами. Уже в следующем году император отправил графа Штефана Кинского (1679–1749) в Россию с целью заключения союзного договора⁵.

Именно термин «дружба» был ключевым словом при общении графа Кинского с русскими представителями не только во время межгосударственного сближения, но и в моменты осложнения двусторонних отношений. Итак, первая официальная встреча Кинского с Петром I ознаменовалась утверждением взаимной дружбы. Неоднократно австрийский посол и русский монарх упоминали этот термин в своих приветственных речах во время торжественных аудиенций. В память о бывших конфликтах они гово-

рили о желании «восстановления», «сохранения» и «увековечения» дружбы. Для того, чтобы усилить серьезность этого намерения, собеседники называли дружбу «приятной», «ценной», «любимой» и «благотворной». И даже ее основу они обозначили во время первой встречи как «совместные интересы», которые не были противоположными и, следовательно, «легко достижимыми»⁶.

В высказываниях представителей обеих сторон отразились те моменты, которые упоминаются и в современной историографии в качестве связующих элементов межгосударственных отношений. Почему же, если уже при первой встрече Кинского с Петром I это было настолько очевидно и неоднократно подтверждалось в разговорах Кинского с разными представителями русского двора, реализация обоюдного желания затягивалась? Ответ на этот вопрос найдется в событиях 1721 г. Несмотря на то, что Кинский во время переговоров с русским вице-канцлером Петром Павловичем Шафировым (1669–1739) в октябре 1721 г. в очередной раз подчеркнул желание его двора восстановить крепкую дружбу с царем, австрийский представитель в конце того же года угрожал ему возможным «оскорблением» дружбы императора. Причиной этого быстрого изменения убеждений графа Кинского стала просьба Шафирова добиться признания императорского титула русских царей при венском дворе⁷.

Развитие событий показывает, что слова Кинского не были пустой угрозой. Принятие императорского титула Петром I сделало сотрудничество с венским двором практически невозможным. Несмотря на то, что Кинский в дальнейшем стремился к созданию «откровенной и доброй дружбы» с русским двором, он писал в своих донесениях о вероятной «враждебности» между двумя дворами и «прекращении дружбы», если русская сторона продолжит настаивать на признании титула в рамках текущих переговоров⁸. Конфликт о титуле Петра I дошел до того, что император Священной Римской империи приказал своему эмиссару покинуть миссию в Санкт-Петербурге. Уже во второй половине 1722 г. Кинский, ссылаясь на мнимые проблемы со здоровьем, простился с русским императором. В столице новой империи в качестве официального представителя Карла VI и информатора для венского двора остался секретарь посольства Себастьян Гохгольцер⁹.

С отъездом Кинского из Петербурга о высказанном ранее желании Вены установить дружеские отношения с русским двором забыли. Из донесений Гохгольцера, когда речь шла о сношениях с российской стороной, надолго исчез сам термин «дружба». Несмотря на общее охлаждение дипломатических отношений и

связанное с этим прекращение переписки между двумя монархами, венские эмиссары старались избегать прямого конфликта с Санкт-Петербургом. Итак, Гохгольцер спрятал досаду за улыбкой и придумал отговорку для оправдания своего отсутствия на коронации императрицы Екатерины I в мае 1724 г.: во время торжественной церемонии в Москве секретарь посольства проходил курс лечения в усадьбе Перово. Однако новый этап сближения с русским двором стал возможен только после смерти Петра I в январе 1725 г. и вступления на престол его второй жены. Австрийские дипломаты со всей очевидностью связывали конфликт о титулатуре с личной антипатией и недоверием по отношению к Петру I¹⁰.

И вдруг после смерти столь мало любимого австрийцами царя в официальной переписке двух дворов вновь встречается термин «дружба». В ходе своей первой аудиенции у новой государыни Гохгольцер передал ей «дружеский привет» и слова «глубокого уважения» от Карла VI¹¹. Помимо смены власти в России международная обстановка делала сближение с новой русской государыней практически неизбежным. Заключение альянса между австрийским императором и Испанией в апреле 1725 г. и связанное с этим формирование Ганноверского союза между Англией, Францией и Пруссией привели к изоляции Карла VI на международном уровне. Таким образом, Россия стала не только важным политическим партнером для обоих блоков, но и обретала право на дружбу всех европейских держав¹².

В этих обстоятельствах австрийский император впервые после многолетнего молчания употребил слово «дружба» в общении с русским представителем в Вене. В ходе аудиенции по поводу передачи нотификационной грамоты Екатерины I своему «дружбнолюбезному брату» Карлу VI, император в ответе русскому эмиссару Людвигу Ланчинскому (1680–1752) выразил надежду на «продолжение дружбы»¹³. Одновременно Гохгольцер поведал русской императрице о «надежде» Карла VI на «добрую дружбу» Екатерины I, чтобы в дальнейшем обеспечить «сохранение хорошего взаимопонимания и спокойствия» между двумя государствами. Екатерина ответила в таком же духе, обещала свою «постоянную дружбу» и выразила желание «закрепить устойчивую дружбу»¹⁴.

Решающим фактором в деле дальнейшего сближения обеих сторон было достижение компромисса в титулатуре: Екатерина I отказалась от императорского титула в переписке с Карлом VI, в то время как австрийский император обещал русской государыне в знак особого уважения писать ей официальные письма собственноручно. Это соглашение сделало возможным решение об отправ-

лении полномочного посла с целью заключения союзного договора со стороны венского двора¹⁵. Официальным началом переговоров между двумя державами стала передача ответной грамоты Карла VI своей «дорогой подруге и сестре» Екатерине I в рамках официальной аудиенции Гохголцера¹⁶. С этого момента всё говорило об окончательном сближении.

Екатерина I использовала в своем ответе Гохгольцеру «поток» изъявлений дружбы. Помимо выражения надежды на «приятную», «ценную», «любимую» и «благотворную» дружбу императора, она также говорила о «страстном желании соединения» обоих государств и «потребности» в «крепком союзе» с императором. Карл VI со своей стороны ответил на это отправлением графа Амадея Рабутина (1682/1683–1727) в качестве чрезвычайного посла в Санкт-Петербург¹⁷. «Соединение» стало ключевым словом в его описаниях процесса сближения с русским двором в политических вопросах, который привел к установлению «истинной дружбы» посредством союзного договора 1726 г. Не стоит удивляться, что Екатерина I, по словам Рабутина, в присутствии всех иностранных дипломатов дала понять: она «тем более довольна» этой новостью, что теперь сможет «без сомнений доверять дружбе цесаря», и ей не нужно более «сомневаться в тесной связи между двумя империями»¹⁸.

Эта связь на основе взаимной дружбы действительно стала стабильным и решающим фактором международных отношений двух последующих десятилетий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский Государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 199. Оп. 1. № 244. Ч. 1. Бумаги, касающиеся графа Остермана. Д. 8. Известие графа Остермана о союзе Российского двора с Римско-императорским. Л. 1–2.

² *Нелипович С.Г.* Союз двуглавых орлов. Русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в. М., 2010. С. 33.

³ *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 1. Трактаты с Австрией 1648–1762 гг. *Recueil Traités et Conventions conclus par la Russie avec les Puissances Étrangères.* Т. 1. *Traité avec l'Autriche.* 1648–1762. СПб, 1874. С. 36, 38.

⁴ См. подробнее: *Никифоров Л.А.* Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир. М., 1959. С. 214–250; *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого: в 8 т. Т. 6. Царевич Алексей Петрович. СПб, 1859. С. 118–235; *Флоровский А.В.* Русско-австрийские отношения в эпоху Петра Великого. Прага, 1955. С. 24–30; *Pilss F.* Die Beziehungen des kaiserlichen Hofes unter Karl VI. zu Russland bis zum Nystädter Frieden (1711–1721). Phil. Diss. Wien, 1949.

⁵ См. подробнее: *Höfler C.* Fragmente zur Geschichte Kaiser Karl's VI. Nach geheimen brandenburgischen Archivalien und Aufzeichnungen des Grafen Stefan Kinsky bearbeitet // *Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Classe.* 1868. Bd. 60. S. 417–453; *Steppan Ch.* Akteure am fremden Hof. Politische Kommunikation und Repräsentation kaiserlicher Gesandter im Jahrzehnt des Wandels am russischen Hof (1720–1730). Göttingen, 2016. S. 138–173 (*Schriften zur politischen Kommunikation.* Bd. 22).

⁶ Донесение Ш. Кинского – Карлу VI, 3.X.1721. См.: Österreichisches Staatsarchiv (далее – ÖStA). Haus-, Hof- und Staatsarchiv (далее – HHStA). Staatenabteilung (далее – StA). Russland (далее – RU) I. Kt. 26. Russica 1719–1721. Fol. 196r, 202r–202v, 204r–204v; *Steppan Ch.* Akteure. S. 177–181.

⁷ Донесение Ш. Кинского – Карлу VI, 13.X.1721. См.: ÖStA. HHStA. StA. RU I. Kt. 26. Russica 1719–1721. Fol. 235r–237v; Донесение Ш. Кинского – Карлу VI, 17.XI.1721. См.: ÖStA. HHStA. StA. RU I. Kt. 26. Russica 1719–1721. Fol. 294v–295v; *Steppan Ch.* Akteure. S. 181–184, 188–191; *Wittram R.* Peter I. Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Großen in seiner Zeit. Göttingen, 2004. Bd. 2. S. 469–470.

⁸ Донесение Ш. Кинского – Ф. Шёнборну, без даты. См.: ÖStA. HHStA. StA. RU I. Kt. 27. Russica 1722. Fol. 112v–113v; Донесение Ш. Кинского – Карлу VI, 6.IV.1722. См.: ÖStA. HHStA. StA. RU I, Kt. 27. Russica 1722. Fol. 188r–188v; Донесение Ш. Кинского – Карлу VI, 13.IV.1722. См.: ÖStA. HHStA. StA. RU I. Kt. 27. Russica 1722. Fol. 192v–195r; *Steppan Ch.* Akteure. S. 215–216, 227–229.

⁹ Донесение Ш. Кинского – Карлу VI, 23.V.1722. См.: ÖStA. HHStA. StA. RU I. Kt. 27. Russica 1722. Fol. 182r–184v; Донесение Ш. Кинского – Карлу VI, 29.V.1722. См.: ÖStA. HHStA. StA. RU I. Kt. 27. Russica 1722. 242r–243r; *Steppan Ch.* Akteure. S. 234–237; *Wittram R.* Peter I. S. 473.

¹⁰ См. подробнее: *Steppan Ch.* Akteure. S. 245–279, 282–283.

¹¹ Донесение Н. Гохгольцера – Карлу VI, 10.IV.1725. См.: ÖStA. HHStA. StA. RU I. Kt. 29. Russica 1724–1725. Fol. 171r–171v; *Steppan Ch.* Akteure. S. 294.

¹² См. подробнее: *Некрасов Г.А.* Роль России в европейской международной политике 1725–1739 гг. М., 1976. С. 82–90; *Хелунович С.Г.* Союз. С. 14–25; *Leitsch W.* Der Wandel der österreichischen Rußlandpolitik in den Jahren 1724–1726 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* Neue Folge. 1958/1959. Bd. 6. S. 34–72; *Steppan Ch.* Akteure. S. 287–295.

¹³ Грамота Екатерины I – Карлу VI, 12.II.1725. См.: ÖStA. HHStA. StA. RU I. Kt. 29. Russica 1724–1725. Fol. 71r–71v; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен: в 29 т. Кн. X: 1725–1740. М., 2003. С. 31; *Steppan Ch.* Akteure. S. 289–291.

¹⁴ Донесение Н. Гохгольцера – Карлу VI, 10.X.1725. См.: ÖStA. HHStA. StA. RU I. Kt. 29. Russica 1724–1725. Fol. 171r–171v, 173r; *Steppan Ch.* Akteure. S. 294.

¹⁵ Оценка Имперской придворной канцелярии, 13.VIII.1725. См.: ÖStA. HHStA. StA. RU I. Kt. 30. Russica Juni–Dezember 1725. Fol. 43v–59r; Протокол конференции императорских советников, 2.X.1725. См.: ÖStA. HHStA. StA. RU I. Kt. 30. Russica Juni–Dezember 1725. Fol. 205r–206r; *Leitsch W. Wandel*. S. 73–76; *Steppan Ch. Akteure*. S. 297–305.

¹⁶ Ответная грамота Карла VI – Екатерине I, 10.X.1725. См.: ÖStA. HHStA. StA. RU I. Kt. 30. Russica Juni–Dezember 1725. Fol. 170r–171r.

¹⁷ Донесение Н. Гохгольцера – Карлу VI, 1.XII.1725. См.: ÖStA. HHStA. StA. RU I. Kt. 30. Russica Juni–Dezember 1725. Fol. 82r–83r; *Steppan Ch. Akteure*. S. 305–310, 315–320.

¹⁸ Донесение А. Рабутина – Ф. Шёнборну, 31.VIII.1726. См.: ÖStA. HHStA. StA. RU II. Kt. 2. Berichte Juli–Dezember 1726. Fol. 183v–184v; *Брикнер А. Австрийские дипломаты в России. По документам венского архива // Вестник Европы*. 1893. № 28/12. С. 512; *Steppan Ch. Akteure*. S. 337–346.